

колхоза не уедешь как зря. Пришла мне оттуда телеграмма на сельсовет. А председателем сельсовета был лукинский, а он говорит:

- У меня у колхозе работать некому!

И взял не показал мне телеграмму. Мне уже после, моковская девочка, в отпуске была и говорит на меня:

- Тюленева! Ты что не приехала? Мы тебя все ждали.

А я на начальника цеха письмо писала. Она мне присылала телеграмму. Не пустили меня из колхоза, осталась. И за утками ходила, и за курьми ходила, и за свиньями ходила, и 14 лет на теплицах, и на пенсию ушла с теплицы. Вот. Вот, такие-то дела. Вот так моя жизнь прошла. Никто меня за всю жизнь не пожалел. Вот живу. Тогда, только папа сказал мне:

- Милая дочечка, мы с тобой хоть на последе повидались.

И всё. Только речи его помню. А мать от тифа умерла, мы все тифом болели. Мать умерла, а мы остались. Лучше бы мы померли, а они бы живы были. Ей ли было умирать, 38 лет ей было?!

Но сейчас хоть дети хорошие, не обижают. Даже пойду к правнучке, только на двери, они бегать – Маня, Маня руку протягивают. Одной четвёртый годок, в огородах живёт сын. Вот. А другой, вот, полтора годика Ага. Домой ухожу, она пока, пока кричит. Приду, они глядят - принесу гостинчика. Большие не так, а меньшие подбегают, прям цоп пакет и бегом. Один сын у городе, у Рышковой живёт, а другой сын у Мокве, Вали почтальонки сестра Тамара невестка моя. Я выходила вот в эту времянку замуж, а этот дом уже в 59-м году построили. А средний сын, пока в армии был, мы уже хату ему построили. Уже мы с дедом 58 лет совместной жизни прожили, вот. И хорошее и плохое всё бывает. Дети все не обижают, дети все едут, гостинцы везут, и скажу им:

- Вот хоть бы вы мне смёрточку привезли.

А сыновья мне:

- Мама, кто нас встренит и кто проводит? То мы рады едем, ага, мать нас встренит и мать нас проводит с отцом.

Но мы, наверное, долгожители какие-то... Мы через траву живые и долго живём. Мы питались детство чем?! В войну?! Травую! Ходили в лес, всякую траву рвали. Бывало с леса идёшь, такую